

Лариса Порхун

МЕСТО МИРА

16+

Лариса Порхун

Место Мира

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Порхун Л.

Место Мира / Л. Порхун — «ЛитРес: Самиздат», 2020

А что если очередная эпидемия, это не просто инфекция? Что если это способ заставить человечество остановиться, проанализировать свой опыт, оглянуться назад и задуматься о будущем? Что если проблема эта выходит далеко за рамки медицинской, да и любой другой науки? Вот об этом уже не в первый раз задумывается профессор Марк Карецкий, а также, в силу определённых обстоятельств оказавшийся совсем не в привычных для себя условиях, и его сын Эрик.

Лариса Порхун

Место Мира

1.

Эрик вошёл в квартиру, напряжённо прислушался и затем облегчённо выдохнул. Какое счастье, дома никого. Совершенно напрасно переживал. Вполне себе можно было бы ещё подзависнуть у Дрона. Хотя всё же нарываться не стоило. Эрик представил тревожно-вопросительные глаза матери, всё чаще устремлённые на него в последнее время, вздохнул и открыл холодильник. Конечно, её он меньше всего хотел бы расстраивать. Но, что поделаться, видимо, этого никак не избежать. Он отрезал по толстому куску сыра и колбасы, намазал майонезом большой ломоть хлеба, затем соединил все ингредиенты, накрыв их ещё одним куском майонезной горбушки, и открыл банку колы. Установив всё это на поднос, он захватил по дороге пару бананов, прошёл в зал и включил телевизор. Сразу по нескольким каналам сообщалось об эпидемии, которая уже несколько месяцев гуляла по некоторым странам, собирая богатый урожай, и вот теперь грозила добраться до их страны. Эрик несколько минут смотрел на кадры из неизвестной больницы, где медики в защитных костюмах суетились возле носилок с больными людьми, заносили капельницы в изолятор, принимали новых пациентов.

Spike-20 – вот как она называлась эта инфекция... Эрик рос в семье учёных-микробиологов, и потому знал, что пока не определена природа заболевания, говорить о том вирус это или что-то другое – нельзя. Мать рассказывала ему, что название такое из-за того, что в микроскоп её молекулы выглядят, как шипованный мячик, колючка.

Глядя на экран и слушая напряжённо-размеренный голос диктора, сообщающий о жертвах и числе заражённых, Эрик подумал о родителях, работающих сейчас где-то в своей лаборатории. Он попытался вспомнить, но не мог, что мать говорила ему... Какие-то осложнения, вызванные эпидемией, в связи с чем они вынуждены работать сверхурочно... Честно говоря, он не очень внимательно слушал. Тем более, это было после того, как он сказал, что бросает колледж. Его родители не стали устраивать никаких разбирательств по этому поводу. Не было шумных сцен, обвинений в чёрной неблагодарности и горячих призывов к благоразумию. Он знал, что родители его до этого бы не опустили, и ничего подобного себе бы не позволили. Отец просто спросил почему. И Эрик ответил. Попытался объяснить, как умел, что не хочет, как они отказаться от свободы и от мечты. Но вышло это у него, как показали дальнейшие события, видимо, не очень хорошо.

– От какой мечты? – язвительно произнёс тогда отец, – Как бы сделать так, чтобы ещё больше ничего не делать? Или, какую бы татуху и куда ещё набить? Или от обсуждений с такими же лоботрясами никчёмной жизни ваших предков?

– Я не хочу, как ты, – прошипел тогда Эрик, поскольку его доводил до исступления отцовский сарказм, – отказываться от самого себя и своего предназначения, ради пресловутой репутации благонадёжного человека и весьма сомнительной радости от ощущения своего приличного социального статуса... Да, кое-что было сказано в тот вечер такое, от чего не так-то просто отмахнуться. Эрик тогда выкрикнул, что не хочет, как отец торчать целыми днями в каком-нибудь офисе за грошовое жалованье... И что-то добавил про рабскую психологию. Зачем он это сказал? Ему ведь было отлично известно, что родители любят свою работу. Отец тогда так посмотрел на него... Ему никогда не забыть. Он помолчал, а потом с видимым усилием, будто каждое слово давалось ему с большим трудом, выдал:

– А ты ещё глупее, чем я думал... Что ж, должен признать, довольно неприятное открытие. С тех пор они не разговаривали. А у мамы появился вот этот самый тревожно-вопросительный взгляд. И хотя он ей рассказал про готовящуюся экспедицию в Тибет, и о том, как он мечтает туда попасть, и про самую загадочную вершину – Лхасу и про резиденцию Далай-

ламы, и про Шамбалу – место мира и о многом другом. Но самого главного он не сказал. А именно, что уже неделю не был в колледже, что у него несколько «хвостов», что он самый первый кандидат на отчисление и что он уже вместе с Дроном принят в экспедицию, которая организована вовсе не студенческим активом колледжа, и даже не турагентством, а группой самостоятельных путешественников. Пока он не знал, как об этом сообщить, по крайней мере, матери. Отцу вообще наплевать. Он в этом уверен. Отец считает его слабым, глупым и ленивым маменьким сынком. Что ж, пусть так и будет. Он не станет бить себя в грудь, доказывая, что это не так. Для мужчины самое лучшее доказательство – результаты. Эрик запил колой остатки королевского сэндвича, попутно представив, что по поводу такого ужина сказала бы мама, и не спеша почистил банан. Тревожные кадры и нагнетающий голос диктора вызвали, в конце концов, у Эрика раздражение и смутное беспокойство. Он щёлкал пультом до тех пор, пока не нашёл какой-то фильм с известным актёром в главной роли, и не откинулся в мягком, удобном кресле. Не хотелось ничего. Ни компьютерных игр, ни пустой болтовни в чате, ни телефонных сообщений, даже любимой музыки не хотелось. Было хорошо сидеть в отцовском, мягком кресле, возле уютного торшера с его матовым, рассеянным светом, прислушиваться к негромко бормочущему телевизору, который уже забыл, когда смотрел в последний раз, и сквозь полуопущенные веки лениво следить за тем, что делается на экране.

2.

Дина смотрела на мужа и пыталась осмыслить то, что сейчас услышала.

– Постой, то есть, как это не сможем отсюда выйти? – вглядываясь в его лицо, словно намереваясь прочесть то, что он, возможно, не договаривал, спросила она. Человек, к которому она обращалась, высокий, крупный мужчина средних лет, её партнёр в жизни и науке Марк Карецкий попытался улыбнуться и как можно спокойнее произнёс:

– Дина, милая, ты же видишь, что происходит... Это ведь не вчера началось. К сожалению, это необходимые меры, поэтому я на них пошёл...

– Ты согласился на круглосуточное пребывание в этой лаборатории, даже не обсудив это предварительно с нами? Со мной? Марк отвернулся в сторону, медленно набрал в грудь воздуха, будто готовясь к длительному заплыву и, наконец, произнёс:

– Ребята в курсе, я...

– Что? Да как ты мог? – она сняла с себя белый халат, отшвырнула его в сторону и быстро направилась к выходу, – Ты можешь оставаться, но я лично ухожу...

– Дина! – он догнал её у двери и взял за руку... Я не мог раньше, просто не успел... Ты была на вскрытии с группой... Послушай, милая, я всё понимаю, но твоё присутствие необходимо здесь... Ты лучший инфекционист которого я знаю... Твои работы по иммунологии признаны во всём мире... Но самое главное даже не это... Для меня очень важно, чтобы ты была рядом, – он остановился, подбирая слова, – Мне трудно это объяснить, – он услышал, как прерывисто вздохнула Дина, и легонько сжал её ладонь, – Но уверен, что ты понимаешь... Ты ведь больше, чем жена... И ты нужна мне, нужна лаборатории и институту, нужна людям... Она села на стул и опустила голову:

– Мы уже и так вторые сутки здесь, Марк... А как же Эрик? Ты подумал о сыне?

– Ему через месяц – восемнадцать... – ответил он другим тоном, – И уже очень скоро ему не потребуется наше разрешение даже на то, чтобы покинуть страну... Марк посмотрел на лампу дневного света в стене, весьма удачно имитирующую ослепительное солнечное окно, – Не думаю, что он сильно переживает по поводу нашего отсутствия, – он замаялся, словно раздумывая говорить или нет:

– Лично я удивлюсь, если он вообще его заметил, – наконец медленно произнёс Марк.

– Как ты можешь? – прошептала Дина, поднимая голову, – Это ведь и твой сын! Ты отталкиваешь его, отказываешься выслушать и даже не пытаешься понять... Не удивительно,

что Эрик избегает общения и сторонится тебя... Вы словно чужие люди... В этот момент, из соседнего помещения послышался голос Алекса, незаменимого помощника и ученика Марка.

– Не сейчас, Дина... Мы вернёмся к этому разговору немного позже... – он разложил перед собой на столе бумаги с какими-то расчётами и включил компьютер, – Когда разберёмся, с какой именно заразой имеем дело... Он ласково, с грустной улыбкой, посмотрел на жену:

– Обещаю тебе, что всё наладится... Не волнуйся, пожалуйста, – на мониторе появились какие-то таблицы, в которые Карецкий начал пристально вглядываться, сравнивая электронные цифры с бумажными показателями.

– Эрика отправят в безопасное место в самое ближайшее время, как только сформируют первую партию – уже отвлечённо, несколько механически добавил он, не отрывая взгляд от экрана, – мне было это твёрдо обещано. К тому же ты можешь в любой момент связаться с ним, чтобы удостовериться, что с сыном всё в порядке.

... Вечером того же дня, доктор биологических наук, заведующий лабораторией, руководитель исследовательской группы – Марк Карецкий собрал всю свою маленькую команду в небольшом учебном классе. Помимо самого Марка и его жены, присутствовал младший научный сотрудник и ассистент Карецкого – Алекс, а также новенькая – аспирантка Лиза.

– Друзья, – внимательно глядя на всех троих, начал Марк, – Постараюсь коротко изложить суть ситуации, заложниками которой, если называть вещи своими именами, мы оказались. Все вы знаете, какова сегодняшняя обстановка. Причём знаете лучше, чем кто бы то ни было. Сказать, что положение серьёзное, значит, ничего не сказать. С сегодняшнего дня, мы не имеем права выходить за пределы этой лаборатории без специального разрешения.

– Да мы уже пару дней, как не выходим, – вставил Алекс и многозначительно посмотрел на Лизу.

– Верно, Алекс, – кивнул Марк, – но только с этого дня, не ты принимаешь решение, когда тебе можно покинуть это помещение... Другими словами любое нарушение этого условия, будет иметь вполне предсказуемые последствия. Помните о том, что вы подписали соответствующий документ. Он кашлянул и продолжил:

– Мы будем обеспечены всем необходимым, но лишены живых контактов на неопределённый срок с любимыми людьми. Все предметы, включая продукты, одежду и лекарства, поступающие к нам из внешнего мира, будут проходить строжайшую дезинфекцию, это понятно? Алекс и Лиза кивнули, Дина, отвернувшись, смотрела в сторону на ещё одно искусственное окно.

– Вопросы на этом этапе имеются? – ещё раз уточнил Марк.

– Почему именно мы? – спросил Алекс, вытягивая вперёд бесконечно длинные ноги в синих джинсах и белых кроссовках, – Я имею в виду не вас, док... И не Дину, – он поправил слишком нарочито сползающие очки с тонкого носа, – здесь, как раз, всё понятно, а себя и, – он снова внимательно посмотрел на Лизу так, будто не только впервые увидел её, но и вообще не может понять, что она здесь делает, – Элизабет... Прошу прощения, не имею чести знать вашу, вне всякого сомнения, наидостойнейшую фамилию, равно, как и титулы... Лиза, миниатюрная блондинка, с тонкой, розоватой, будто подсвеченной кожей, немедленно вспыхнула и залилась алой краской до самых корней волос. Марк, глядя на своего помощника, слегка поморщился:

– Алекс, перестань... Ты серьёзный учёный, а ведёшь себя, как третьеразрядный шалопай и неуч, – Марк глянул на Лизу, – Простите его... На самом деле он воспитан лучше, чем может показаться... Хотя для меня, признаюсь, ваше появление здесь тоже было некоторой, так скажем, неожиданностью... Мы работали несколько лет в одной команде, и обычно все кадровые перестановки, касающиеся лаборатории, как правило, согласовывались со мной.

– Меня попросили подменить Беату, на время её болезни, – быстро проговорила девушка и снова отчаянно покраснела. Она, часто моргая, смотрела на Карецкого, о котором ходили легенды далеко за пределами института, и одновременно проклинала эту свою природную

склонность, краснеть по любому, более или менее, значительному поводу, – Идиотка, – на чём свет ругала она себя, боясь даже повернуться в сторону Алекса, – О чём я только думала? Да ему плевать на меня... Больше того, он откровенно издевается, – Лиза сидела, не шелохнувшись, чтобы даже краем периферийного зрения не видеть лица Алекса и не выдать себя с головой, – Стоило этот огород городить?! Разрабатывать тщательный и многоступенчатый план, чтобы попасть в эту знаменитую лабораторию? Договариваться, унижаться... Ведь ей даже тему исследования пришлось поменять, чтобы попасть сюда... И что в результате? Да ничего, всё напрасно... Броня была железобетонная. И потому пришлось идти на самые крайние меры: обращаться к отцу... А ведь она давала себе слово не просить его ни о чём... – Лиза кусала губы, чтобы не расплакаться, – И ради чего всё это? Если он и заметил её, наконец, то и то, только потому, что их в этой лаборатории всего четверо... Он даже не знал, что она уже год работает в институте... И что они уже несколько раз мельком виделись, наверняка тоже напрочь забыл... Надо было уйти, как велел ей отец, пока ещё была эта возможность... А сейчас, если её строгий родитель будет продолжать настаивать, чтобы она немедленно покинула лабораторию, всё выплывет наружу и все узнают чья она дочь... И вот тогда точно, всё будет кончено. И уже навсегда... Девушка почувствовала, как у неё темнеет в глазах.

– Вы слышите меня? – она вздрогнула и встретилась взглядом с Карецким, который внимательно смотрел на неё своими каштановыми глазами, – Лиза Браун? Аспирантка... Работа ваша проходит на стыке биохимии и генетики, – он пробежал глазами записи, – Изучаете тонкую структуру вирусов... Всё верно? – поднял он на неё глаза. Лиза кивнула и опустила голову...

– Ладно, что ж, добро пожаловать...гм... – Марк помолчал и забарабанил пальцами по столу, – Итак, – словно спохватившись, продолжил он, – возвращаясь к твоему вопросу, Алекс... Почему именно мы, так сказать... Я думаю, никому из нас не стоит обольщаться на собственный счёт. Полагаю, что причина здесь гораздо прозаичнее. Достоверных сведений об этом нет, – он встретился глазами с женой, – но есть основания полагать, что выходы из института заблокированы неспроста... Причина для такого шага может быть только одна – имеются заражённые. Здесь, в этом здании... То есть мы наверняка тут не одни... И поскольку мы теперь не просто группа учёных, а группа учёных, работающих в экстремальных условиях, как руководитель категорически запрещаю выходы даже в общий коридор и на лестницу. За получением продуктов и остальных необходимых вещей, будем выходить строго регламентировано. В защитных костюмах, а также с использованием остальных необходимых мер безопасности, как до, так и после процедуры приёма. Наступила тишина. Дина повернулась к Лизе и Алексу и медленно произнесла:

– Марк пытается сказать о том, что решение оставить нас здесь, было принято заранее, так ведь, дорогой? А вся эта история с добровольным согласием и сбором подписей так, формальная дань вежливости и общепринятым нормам... И ничего более. Марк, тряхнул головой, будто решаясь на что-то, и тихо проговорил:

– В общих чертах, да... Но следует иметь в виду исключительное, чрезвычайное положение, имеющее место в настоящее время. И то, какая угроза нависла над нами всеми. Ничего не бывает случайного в этом мире... Возможно, то, что мы с вами оказались здесь – это не просто стечение обстоятельств, а предопределённость, закономерное, неумолимое хитросплетение причинно-следственных связей. И потом, давайте объективно: я – микробиолог, Дина – врач-инфекционист, иммунолог, Алекс – эпидемиолог, Лиза – он всего лишь на долю секунды замолчал, заглядывая в бумаги, а девушка снова покраснела, – биохимик и вирусолог. Он ободряюще улыбнулся, – По-моему, неплохо, а? Как считаете? Ну и кому, как не нам вставать на борьбу с инфекцией? Тем более, кое-что мы всё-таки уже знаем, я сообщу об этом позже. А сейчас, я обязан задать вопрос, – он внимательно посмотрел на всех, – Я спрошу только один раз: здесь есть тот, кто категорически не согласен оставаться на неопределённый срок в этой

запертой лаборатории и работать, мягко говоря, сверхурочно? А если выразаться точнее, то далеко за пределами временных рамок, обозначенных в трудовом кодексе?

– И тогда, что? Можно будет выйти? – усмехнулся Алекс.

– Да... – он потёр подбородок и поправился, – Думаю, да, – оставить на карантине – это одно, а принудить к ненормированной работе – это другое... Вы не обязаны... Он поднял глаза на жену, – Я сам настоял на том, чтобы у каждого была такая возможность, поскольку от подневольного, насильственного труда прока не будет. Поэтому, если кто-то решит, скажите прямо сейчас, вас заменят... Наверное...

– Я с вами, док, – Алекс улыбнулся, и пожал плечами, как бы сообщая присутствующим: а разве могло быть по-другому? – Как же здорово, когда у человека напрочь отсутствует личная жизнь, – добавил он, и томно посмотрел на Лизу, театрально закусив нижнюю губу. Девушка вспыхнула, засмеялась и быстро проговорила:

– Я тоже, в смысле, остаюсь... Марк кивнул и перевёл взгляд на Дину. Та вздохнула и развела руками:

– Куда ж я без тебя!? – негромко сказала она, – И потом, я хорошо знаю, иногда для того, чтобы выйти, необходимо сначала зайти. Марк удовлетворённо кивнул, надеясь, что его едва уловимый облегчённый вздох остался незамеченным, и произнёс:

– Что ж, отлично... Тогда за работу, а в ней, уверяю вас, недостатка не будет.

3.

Звонок телефона был назойливым и нестерпимым. Он разрывал тишину комнаты с такой настойчивой методичностью, что Эрик был почти уверен в том, что если он сию же минуту не снимет трубку, звонивший немедленно материализуется прямо перед ним.

– Добрый вечер, – холодным тоном с явственными металлическими нотками, поприветствовал его неизвестный, – Городской штаб противодействия распространению инфекции, – довольно размыто представился звонивший, – доводим до вашего сведения, что вам надлежит быть готовым к эвакуации. Завтра к восьми утра за вами заедут...

– Чего ради? – спросонья не мог разобраться Эрик, – Вы кто вообще? Нет, спасибо, я не поеду...

– Эрик Маркович, – сдержанно, с таким же холодным оттенком, ответил голос, – это вопрос решённый и согласованный...

– С кем это? – довольно невежливо перебил юноша.

– В первую очередь, с вашими родителями, – терпеливо ответил звонивший.

– Вот с ними, когда они придут, я и решу, ехать куда-то мне или нет, – буркнул Эрик. После этих слов, на том конце провода установилась очень выразительная тишина, от которой парню стало не по себе.

– Аллэ? – отчего-то волнуясь больше, чем готов был признаться даже самому себе, проговорил Эрик, – Где мои родители? Что с ними?

– С ними всё в порядке, – таким же бесцветным голосом отозвался незнакомец, – они занимаются в рамках своей профессиональной деятельности работой, которая в свете сегодняшней ситуации, имеет очень большое значение. Только сейчас до Эрика стал доходить масштаб происходящего, и ему стало по-настоящему, страшно:

– Мои родители в...

– Эрик Маркович, – безапелляционным, ледяным тоном, оборвал его тот, – Вы же не настолько наивны, чтобы предполагать, что сейчас вам подробно и обстоятельно будет представлена вся интересующая вас информация? – задал он риторический вопрос, – У нас физически на это нет времени... Только завтра планируется эвакуировать несколько сотен человек. И каждый, вообразите, хочет получить ответы на все его вопросы. Причём желательно – детальные и развёрнутые. Вы, надеюсь, понимаете, что это просто невозможно? Поэтому, повторяю,

будьте готовы к восьми утра, – голос звонившего мужчины стал безразличным, ещё более отстранённым и таким далёким, словно он вещал с другой галактики, – с собой иметь паспорт, тёплые вещи, смену белья и сухой паёк на сутки. До свидания, приятного вечера.

Эрик ещё несколько секунд разглядывал умолкший телефон, будто надеясь, что сейчас что-то произойдёт и исчезнет эта сосущая, тревожная дыра, в которую бесследно проваливались все его чувства, желания и способность логически мыслить.

– Что с родителями? – вспыхивала в голове красная сигнальная лампочка. Эрик ни на одну секунду не поверил звонившему, который говорил, что с ними всё в порядке. – Сколько уже их нет дома? – лампочка в его голове из красной превратилась в пурпурную, замигала чаще и даже стала вращаться, – Два – три дня? Что же он за человек такой, которому безразличны такие вещи? Эрик вспомнил, как обрадовался, вернувшись, что родителей нет дома... – А если что-то случилось? Или их где-то удерживают насильно? – лампочка превратилась в сигнальный фонарь, вращающийся с огромной скоростью под постепенно нарастающий вой сирены, – А он, единственный сын, даже не позвонил... Успокоился совершенно, когда мать что-то сказала про увеличенный объём работы и сложил довольные лапки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.